

Романы для девочек

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Отзвуки прошлого

РОСМЭН

Вера и Марина Воробей

Отзвуки прошлого

Серия «Романы для девочек»

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163019
Отзвуки прошлого: Росмэн Пресс; Москва; 2006
ISBN 5-353-02118-5

Аннотация

Лена Серова случайно встретила человека, принявшего ее за Татьяну – Ленину маму, которую он знал много лет назад. Так в жизнь девушки вошел Вадим Петрович, оказавшийся не только ее родным отцом, но и партнером Борькиного отца. Лена надеялась, что Шустов порадуетя за нее, а тот стал вести себя как-то странно. В результате – ссора. Как вы думаете, почему?

Содержание

1	4
2	8
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вера и Марина Воробей

Отзвуки прошлого

1

Лена Серова внезапно проснулась среди ночи, сердце беспокойно билось, отмеряя секунды рваными, неровными толчками. Ей что-то снилось. Приятное и в то же время тревожное. Так уже было однажды. Было не так давно, перед самой болезнью бабушки. Ей снилась мама. Как и в прошлый раз, она словно предупреждала Лену о чем-то. Только в этом сне мама была веселая и красивая, как на фотографии, где ей девятнадцать лет: волнистые белокурые волосы, губы подкрашены перламутровой помадой, голубые глаза сверкают в ожидании счастья. И платье на ней было любимое – шифоновое, с неярким абстрактным рисунком. Лена недавно его на себя переделала. И убрать-то в талии пришлось всего ничего. Не зря все говорят, что она вылитая мама – и лицом, и фигурой...

«Эх, мама, мамочка! Как рано ты ушла от нас с Катькой. Ушла насовсем. Сначала папа, а потом ты...» Лена почувствовала, что на глаза набежали слезы.

Этот сон заставил ее вернуться в прошлое. Вспомнился тот день, когда хоронили отца. Его сбила машина. Лене было

тогда семь лет, Катьке два годика. Лена сильно переживала, потому что папа для нее был не просто папа, как у многих, — он был ее другом, учил быть доброй, жить по совести, не бояться трудностей...

Но молодость быстро мирится с потерями. Лена погоревала и снова стала улыбаться. Катька, та вообще, похоже, не поняла, что произошло. Сказали ей, что папу Боженька на небо забрал, она посмотрела вверх своими темными глазами и кивнула.

А вот мама не смогла этого несчастья пережить. После смерти отца она пристрастилась к вину, приятели странные с подружками появились, всё пели:

Не родись красивой, красота увянет,
А родись счастливой, счастье не обманет...

Вот так и с мамой получилось. Вроде бы и сильная была, а жизнь ее веру в себя поломала. За три года увяла ее красота, а потом... потом она и сама пропала. Вышла из дома однажды февральским вечером и не вернулась. Сначала Лена ждала, бежала дверь открывать на каждый звонок, но прошел месяц, другой, третий, и Лена перестала ждать и поверила, что мамы больше нет в живых.

Вот когда она столкнулась с человеческой подлостью и

равнодушием. Ее маму осуждали, им с Катькой сочувствовали, а за глаза сплетничали и запрещали своим детям с Серовыми общаться. Но были и хорошие люди. Наташка, единственная подружка Алены, которая не отвернулась от нее, как другие одноклассницы. Соседка Семеновна. Именно она, когда мама пропала, вызвала бабушку из Волгограда. А спустя полгода пришло извещение из милиции, что дело закрыто.

Лена сменила школу и с тех пор стала задумываться: ну почему жизнь устроена так, что одни идут по ней играючи, как по гладкому асфальту, а другие словно пробираются сквозь густой валежник? Лена и сейчас так подумала и почувствовала, как скопившиеся в уголках глаз слезы побежали по щекам. Она их не удерживала, успела за свои пятнадцать лет понять, что, когда душа плачет, ей становится легче. Но тут, словно отзываясь на ее грустные мысли, во сне недовольно заворочалась Катька.

Лена поднялась, вытерла тыльной стороной ладони мокрые от слез щеки и, как была, в футболке и босиком, подошла к кровати десятилетней сестренки. Та спала, разметавшись на постели, с едва уловимой улыбкой, одеяло комом в ногах, подушка сама по себе, голова сама по себе. «Ну вот, как всегда», – усмехнулась Лена. Какие они все же с ней разные! Ничего общего, хотя и родные сестры. Катька похожа на отца – такая же черненькая, шустрая, глазастая и учится отлично, не в пример Лене. Зато Лена рукодельница, в маму.

Шьет так, что девчонки из обеспеченных семей ее обновам завидуют.

Стараясь не потревожить сон сестры, Лена натянула ей на плечи байковое одеяло, надела старые, без пяток, тапки, халат и, поеживаясь, вышла из комнаты. Днем весеннее солнышко ласково припекало, но ночи по-прежнему оставались прохладными.

По дороге на кухню Лена заглянула к бабушке. Та спала, как всегда, на спине, рука то ли желудок греет, то ли от боли оберегает. Не так давно у бабушки обнаружили язву желудка. Все, слава богу, обошлось, за полтора месяца ее поставили на ноги, но Лена столько всего пережила с этой больницей, что врагу не пожелаешь. И все это время рядом с ней был Борька Шустов.

Стоило Лене подумать о Боре, как ее сердце до краев наполнилось щемящей нежностью. Все же какое оно – наше сердце – необъятное и щедрое в своих чувствах! Только что ему хотелось, чтобы весь мир проникся к ней жалостью, а теперь вот пляшет от радости, что у Лены появился такой сердечный друг. Надежное плечо, как говорит бабушка, хотя по-прежнему продолжает напевать себе под нос: «Зачем вы, девочки, богатых любите, одни страдания от той любви...» Почему богатых, а не красивых (ведь в песне о красивых говорится), непонятно, ну да и неважно. Поет себе и поет. Голос у нее красивый, грудной.

2

На кухне Лена первым делом включила маленький ночник в виде тюльпана, стоявший на столе, затем взяла с полки кружку. Наполнив ее водой из-под крана, она с жадностью сделала несколько больших глотков и только после этого, оглядевшись, заметила вокруг себя беспорядок. Повсюду, на стульях, на столе и даже на подоконнике, валялись обрезки тканей. На полу кое-где змейками извивались обрывки белой катушечной нитки. «Как меня угораздило лечь спать, не прибравшись?» – удивилась Лена и тут же нашла ответ. Понятно как. Сначала она гуляла с Борей – уж больно вечер выдался хороший! – потом наспех поужинала, сделала уроки, также наспех, а затем принялась за шитье. А когда глаза стали слипаться, она бросила все и с легким сердцем отправилась спать.

Задача, кстати говоря, перед Леной стояла нешуточная, и весь кавардак на кухне был именно из-за этого. До выпускного вечера и концерта, посвященного окончанию учебного года, оставалось чуть больше двух недель, и все старшеклассники активно к нему готовились. Девятый «Б» вместе с Кахобером Ивановичем решил потрясти школу еще одним спектаклем. В прошлом году это был Шекспир, «Ромео и Джульетта». На этот раз выбор пал на Дюма-отца и его бессмертный роман «Три мушкетера». Ну, на постановку всего рома-

на, конечно, ни времени, ни таланта не хватит, а инсценировать несколько сцен, где были и сражения, и любовь, и интрига, им вполне по силам.

Работа над спектаклем спорилась, сказывался некоторый опыт, к тому же репетиции были почти каждый вечер. Режиссеру и постановщику (эту обязанность на свои могучие плечи взвалил Кахобер Иванович) активно помогала Лиза Кукушкина. Она написала сценарий про королевские подвески, нещадно сократив и переделав Дюма на свой лад. Ира Дмитриева рисовала декорации, оформляла задник сцены. Лена в свою очередь обязалась сшить женские костюмы, точнее сказать, преобразить старые вечерние наряды мам в придворные туалеты семнадцатого века. Мушкетеров взялся приодеть сам Кахобер Иванович. У него, как выяснилось, сохранились связи в театральном мире, и он обещал, что генеральная репетиция на следующей неделе пройдет при плащах, шпагах и шляпах с перьями. Ребята приняли эту новость на ура. Громче всех кричал Борька, словно чувствовал – быть ему благородным Атосом.

Лена вдруг ясно вспомнила, как у них проходил тот классный час.

...Кахобер Иванович привычно разгладил свои пышные усы, демократично расстегнул серый «в елочку» пиджак и произнес:

– Ребята, все вы, разумеется, помните, что учиться осталось чуть больше месяца.

В речи классного руководителя звучали неистребимый акцент и лирическая ритмика грузинского языка.

– Аминь! – крикнул Борька.

Лена одернула своего капитана сорви-голова, но класс, настроенный подурачиться, одобрительно зашумел.

Кахобер Иванович подождал, пока в кабинете истории поутихнут голоса, после чего продолжил:

– Экзамены и подготовка к ним – это отдельный разговор.

И он нам еще предстоит в конце месяца, а сейчас я хотел бы напомнить, что после экзаменов, как обычно, всех нас ожидают выпускной вечер и общешкольный концерт. Давайте решать: чем будем радовать директора и всех остальных?

В этом месте наступила тишина, все глубоко задумались.

– А давайте опять спектакль поставим!

Лена, переглянувшись с Борей, посмотрела назад на Кольку Ежова, потому что именно от него, далеко не самого примерного ученика в классе, и последовало это предложение.

– А что, мне эта идея нравится, – одобрил Макс Елкин, поправив пальцем очки, норовившие съехать с носа.

После чего все принялись обсуждать эту затею вслух.

– А что ставить-то будем? – задалась Аня Малышева главным вопросом, который как-то ускользнул от всеобщего внимания.

– «Три мушкетера!» – заявил Колька с последней парты. – Там и любовь есть, и мочиловка на шпагах! Любовь для девочек, мочиловка – для парней!

Ребята заспорили, загудели. Большинство девчонок завозмущались, правда больше для порядка: мол, в гробу мы вашу любовь видали! Кахобер Иванович в свою очередь покачал головой.

– Эх ты, парень, замахнулся! – сказал он, глядя на Кольку, но в глазах его уже загорелись знакомые огоньки. Видно было, что предложение пришлось ему по душе. – «Три мушкетера» – это же целая приключенческая эпопея! А у нас тридцать, ну сорок минут времени от силы! Может, что-нибудь попроще подыщем?

– Ага! Репку! Дедка за репку, бабка за дедку. Бабкой Маринка будет, она вечно ворчит! – возник Комаров Виталик, вообще-то парень тихий и покладистый.

– А ты – репкой! – ответила на выпад Маринка, никому не дававшая спуска. – Вечно во дворе торчишь, как в окно ни глянешь!

– Чего ты пенишься, как шампунь, Голубева? – завелся Вадим Ольховский, приятель Комарова.

Он был полным пофигистом. Учился сносно, а остальное его не касалось. Вот и сейчас его мало волновал будущий спектакль, просто поцапаться с кем-нибудь захотелось, Маринка под горячую руку и попалась.

– А ты чего пальцы гнешь? Нашел на кого наехать, на девчонку! – вступился за Марину Елкин.

– О, Елкин-палкин! Ты чо, теперь в нее втрескался? – развеселился Вадик.

Назревающую ссору прекратил Колька.

– Кончайте базар, пацаны! Тут дело, а вы ерундой страдаете! – гаркнул он во всю мощь своих легких, а потом обратился к классному руководителю совсем другим, просительным тоном: – Мы же можем парочку сцен поставить. Да, Кахобер Иванович?

– К примеру, отрывок с подвесками! – подключилась Лиза Кукушкина. – Его можно переделать, сократить.

– И драку д’Артаньяна с мушкетерами в монастыре, когда они только знакомятся, – добавил Колька.

Заметно было, что он недавно прочитал роман и все еще находится под впечатлением.

Тут следует добавить, что Кахобер Иванович охотно сдался, но потребовал, чтобы участие в этом безумии принимали все.

– Конечно все! – заорали парни, а Шустов победно взвил руку под потолок и бросил клич:

– Ребсы! Один за всех, и все за одного!

После чего по горячим следам принялись распределять роли. Тусю Крылову выбрали королевой. Другой кандидатуры и быть не могло: она же без пяти минут актриса, в сериале молодежном снимается. У нее отчим известный режиссер. Колька Ежов не только предложил себя на роль д’Артаньяна, но тут же себя сам и утвердил, приведя сокрушительный аргумент:

– А кто же еще? Я же эту идею подал.

Раз Колька хитрый и пронырливый гасконский дворянин, значит, Констанция Бонасье – его ненаглядная Юлечка, староста и большая любовь. И неважно, что она внешне образу не соответствует, зато романтические сцены они сыграют так, что Шекспир от умиления обрыдается. С Атосом как-то тоже само решилось. Борька гордо расправил плечи. Арамисами стать захотели сразу двое, а гвардейцами – почти никто. Кахоберу Ивановичу пришлось напомнить, что, пока они только прикидывают роли, важно не только хотеть, но и уметь. К тому же фехтование – это не просто драка на шпагах, это большое искусство. Все быстро сошлись во мнении, что первые же репетиции определяют: кому на сцене играть, а кому в зале сидеть и в ладоши хлопать.

А дальше начались сплошные заморочки. Портоса среди «бэшек» не оказалось. Ну не было среди них упитанного толстяка, предпочитающего действовать кулаками, а не думать головой. Опять же Миледи и герцог Бэкингемский. Как без них обойдешься, когда речь идет о королевских подвесках? Никак. На роль блестящего, утонченного повесы-англичанина предложили вначале вежливого Елкина, но он наотрез отказался.

– Мне кардинал Ришелье подходит, – неожиданно заявил отличник. – Я, как и он, аналитик, люблю все ходы заранее просчитывать.

И ребята дружно закивали, соглашаясь. Стыдно стало, что чуть не забыли одну из основных фигур романа, без которой

и интрига не интрига, а так – укус комара.

– А может, нам кого-нибудь из девятого «В» на вакантные роли пригласить? – вклинился в спор Кахобер Иванович, улучив подходящий момент. – По-моему, совместный спектакль – неплохая возможность познакомиться с ребятами поближе. Не забывайте, с некоторыми из них вам вскоре предстоит учиться в одном классе.

Надо прямо сказать, предложение было неожиданным, но вполне приемлемым. «Вэшки» – еще куда ни шло» – так, наверное, подумали все. Это с заносчивыми «ашками» отношения у девятого «Б» не сложились чуть ли не с первого класса, а «вэшки» – они ничего, нормальные, есть, конечно, парочка неприятных типов. Ну так где их нет? Покопайся, в любом коллективе найдешь. Опять же Кахобер Иванович прав. В сентябре они придут в новый десятый класс. Так всегда бывает, после окончания девятого класса многие уходят из школы: кто в колледж, кто в лицей или техникум. Кто-то, может, и не хочет уходить, да его вежливо попросят, напомнят, что с такой успеваемостью в старших классах делать нечего.

Лену, вероятно учитывая ее непростое семейное положение, в школе оставят. Приличные колледжи сейчас платные, а Кошка в последнее время добрая, за Лену горой стоит. К тому же, если бы об отчислении шел разговор, ее бы давно в учительскую для беседы вызвали, как других. Борю точно в десятый переведут. Он умный, только ленится. Если бы он

захотел, то быстро бы свои тройки в четверки превратил. Да и папа у него крупный предприниматель-строитель. Благодаря его стараниям в этом году в школе бассейн появился. Так что вряд ли директор захочет расстаться с таким щедрым спонсором. А вот Ира Дмитриева уже сейчас сдает экзамены в архитектурный колледж. Архитектурным ландшафтом будет заниматься. Красиво звучит.

Колька Ежов тоже определился: на слесаря-механика до военного призыва будет учиться, затем армия. А там кто знает, что из него получится? Может, новый маршал Жуков. Он уже сейчас, как настоящий полководец, сражения всякие разыгрывает оловянными солдатиками в военно-историческом клубе. Максим Елкин в школу при Физтехе уходит. Кошка утверждает, что он будущий нобелевский лауреат и школа им еще гордиться будет. Вполне возможно.

А среди «вэшек»... Тут Лена задумалась: кто же из них попадет к ним в класс? Там ведь тоже свои лидеры и свои аутсайдеры. И свои таланты имеются, и, как выяснилось, в большом количестве. Алиса Залетаева, признанная красавица «вэшек», с превеликим удовольствием согласилась на роль Миледи. Лена подозревала, что Сергей Белов, попросту говоря Белый, решил принять участие в спектакле и стать герцогом Бэкингемским, узнав, что Алиска будет играть леди Винтер. Забавно, но роль одного из главных гвардейцев досталась Василисе Остапченко, девчонке с повадками и внешностью мальчишки. И никто из парней даже не

пикнул. Во-первых, она была единственной, кто умел обращаться со шпагой, поскольку занималась фехтованием, а во-вторых, мальчишки считали ее своей в доску. Они и звали ее Васек, с ее молчаливого согласия. Портоса тоже среди «вэшек» отыскивали. Им стал Вовка Неделькин, приятель Сергея Белова. Наверное, тот его на эту роль и уломал, вроде как за компанию. Кулаки у Вована будь здоров, да и комплекция подходящая. Слов нет, Портос из него получился что надо. Только вот как все сложится в следующем году, когда их объединят в десятом?

Лена так глубоко задумалась, что даже вздрогнула, когда ходики тихим боем напомнили о времени. Надо же! Уже третий час! А ведь завтра, точнее, сегодня, в школу. Она огляделась. И когда успела прибраться? Все чисто. Пол выметен, кусочки ткани сложены в стопочку. Швейная машинка задвинута в угол. Вот уж верно говорят: глаза боятся, а руки делают. Лена погасила ночник и отправилась в постель. О том неясном сне, разбудившем ее среди ночи, ей думать не хотелось. А ведь странный был сон! Вроде бы он беспокоил Алену, и слезы вызвал, и тяжелые воспоминания, а в душе осталось светлое ощущение... Так бывает, когда идешь по длинному темному тоннелю и внезапно видишь, как вдали, навстречу тебе, пробивается спасительный лучик света.

3

Конечно же утром Лена чувствовала себя сонной мухой. Как ее бабушка ни будила, как Катька ни тормошила, она все же умудрилась опоздать на первый урок на целых десять минут. К тому же на физику. Идя по пустому коридору второго этажа, Лена прикидывала в уме, где бы скоротать время до перемены, чтобы не попасться на глаза кому-нибудь из учителей или, того хуже, директору, и вдруг заметила открытую дверь в кабинет психолога. Лена заглянула одним глазком: сидит, что-то изучает, то на один листок посмотрит, то на другой. Одним словом, психолог. И появился он у них не так давно, что-то около года.

Лена не совсем понимала, зачем в школе нужен психолог. Ничем особенным Дим Димыч себя не проявил. Ну, провел пару тестов, один – в начале года в их классе. Однажды лекцию какую-то устроил. На нее ребят по всей школе залавливали. Одна Юлька Туполева охотно на нее пошла, и то потому, что мнит себя будущим психологом. Еще Лизка Кукушкина к нему за советом обратилась, когда у нее крыша чуть не поехала с перепугу, вот, кажется, и все... Хотя польза от Романова, безусловно, есть. Каждый старшеклассник знает, что в его кабинете всегда можно отсидеться. Он мужик покладистый, особо выговаривать за прогул не будет и уж, само собой, не заложит. Лена решила и постучала.

– Можно войти, Дмитрий Дмитриевич?

Темные, глубокие глаза взглянули на нее:

– А, Серова из девятого «Б»! Входи.

Лена вошла, плотно прикрыла за собой дверь. Романов обладал фотографической памятью на лица: раз увидел – щелк! – и информация ушла в подкорку, поэтому Лена не удивилась, что он ее вспомнил.

– Ну что же ты, садись, – предложил психолог.

Лена села в кресло перед столом и, не глядя, бросила брезентовый рюкзак с учебниками на пол.

– Прогуливаешь, Алена? – Психолог, надо отдать ему должное, сразу решил прояснить ситуацию.

Врать не хотелось:

– Так получилось. Проспала. До трех часов ночи не могла заснуть.

– Любовь мучает? – усмехнулся Дмитрий Дмитриевич, постукивая пальцами по листочкам.

– Да нет. Мысли.

– А-а, это хорошо. Думать полезно, особенно в вашем возрасте. А что за мысли, если не секрет?

– О семье, о школе, о будущем...

– А ты, оказывается, с размахом думаешь, – уважительно отозвался Дмитрий Дмитриевич, опустил темноволосую голову, затем снова взглянул на нее. В руках у него появился один из листочков. – Я вот тоже здесь размышляю.

– А что это у вас? – решила полюбопытствовать Лена.

Сквозь тонкий белый лист просвечивал рисунок, а не ответы на вопросы.

– Это простенький психологический тест. «Нарисуй свою семью» называется. Я его в начальных классах провел. В третьем «Б». Хочешь, я тебе все подробно объясню? – Глаза психолога вспыхнули, как включенные лампочки.

– Ага. – Лена придвинулась ближе к столу.

«Все равно полчаса занять нечем, так хоть приятное человеку сделаю», – подумалось ей, но очень скоро она увлеклась беседой.

То, что все дети любят рисовать, для Лены не было секретом. Она до сих пор не могла обходиться без карандашей, любила моделировать одежду, мечтала в будущем добиться славы Коко Шанель, которая ввела в женскую моду брюки и короткую стрижку, узкое черное платье для коктейля и ставшие классическими духи «Шанель № 5». Так что Лена охотно поверила, когда Дмитрий Дмитриевич, добродушно улыбаясь, сказал, что тесты на основе рисунков в работе с детьми психологи используют весьма широко. Поверила она и тому, что любой детский рисунок можно считать, как говорят психологи, проективным, то есть отражающим внутренний мир и переживания ребенка.

– Вот смотри, это рисунок Коли Маковского, – стал рассказывать Дмитрий Дмитриевич. – Он цветной. Это хорошо. Но обрати внимание на нажим и штриховку, которой мальчик обозначил фигуру отца. Сильный нажим говорит о том,

что Коля испытывает тревогу по поводу этого члена семьи.

Лена присмотрелась к рисунку. Ничего тревожного она не заметила. Обычный рисунок, где неумелой рукой нарисована вся семья. Папа что-то приколачивает к стенке, наверное картину вешает, мама гладит. Коля читает книжку.

– Кроме того, Коля нарисовал отца забивающим гвоздь в стену, – пояснил Дмитрий Дмитриевич.

– А что, разве это плохо? – удивилась Лена.

Казалось бы, штатная ситуация. И руки у папы, видно, умелые.

– В том-то и дело, что плохо. Коля видит отца агрессивным. Он бы мог нарисовать его, скажем, сидящим перед телевизором. Кстати, в большинстве случаев эта ситуация и преобладает в рисунках. А мальчику запомнился отец с молотком в руке. И я прихожу к выводу, что он его побаивается. А вот с мамой у Коли очень теплые отношения, – улыбнувшись, заметил психолог.

– А как вы об этом догадались?

– Она гладит. Это тепло. Вообще, дети чаще всего изображают матерей за каким-то занятием. Вот смотри. У Лены Галкиной, твоей тетки, мама варит суп. У Сони Шваб мама пылесосит. А вот с папами дело обстоит иначе. У Сони на рисунке папа вообще отсутствует.

«А ведь и верно», – подумала Лена, вспомнив, как отец третьеклашки иногда привозит свою дочь в школу на «вольво».

– И знаешь, как она объяснила это мне? – продолжил психолог. – Она сказала, что он на работе, поэтому его на рисунке нет. А это уже свидетельствует об отстраненности отца от воспитания дочери. Он, скорее всего, далек от семейных проблем.

«О как!» – успела удивиться Лена.

– А вот у Саши Степанкова ситуация еще хуже. – Дмитрий Дмитриевич покопался в папке и достал рисунок Саши. – Взгляни. Здесь и папа, и мама, и бабушка с дедушкой, и даже старший брат, ученик десятого «А», а самого Саши на рисунке нет. Не исключен вариант, что он не чувствует себя нужным и любимым. У Лены Галкиной иная картина. – Дмитрий Дмитриевич передал Лене рисунок девочки. – Видишь, у нее все нарисовано очень мелко, простым карандашом. С семьей у нее все в полном порядке, но не с ней. Эта тщательная прорисовка, почти тайская миниатюра, говорит о ее неуверенности в себе, о заниженной самооценке.

У Лены перед глазами возникло бледное личико худышки Галкиной. Да и так понятно, что она тихоня и не слишком высокого мнения о себе.

– А что это за черта? – спросила она, взяв рисунок, подписанный внизу «Леша Снегирев».

– Представь себе – это стена, отгораживающая одну комнату от другой. Леша в одной комнате, а его родители в другой. Какие-то мысли есть на этот счет? – спросил Лену психолог.

– Думаю, все ясно: парень чувствует себя одиноким, – сказала Лена, следуя предыдущей логике.

– В общем, ты права. Здесь явно прослеживается непонимание, отчуждение. Вот что можно извлечь из обычных рисунков. Ну, а дальше, как говорится, предстоит большая работа. Сначала поговорю с классным руководителем, – сказал Дмитрий Дмитриевич, складывая рисунки в стопочку, – затем вызову к себе родителей для душевной беседы, возможно, поговорю с самими ребятами, но ненавязчиво, так, чтобы они не чувствовали себя ущемленными и обиженными. Класс непростой оказался.

Лена слушала и мысленно краснела. Как легко мы делаем выводы, не считая нужным покопаться поглубже. Вот недавно она думала: зачем нужен психолог в школе? А оказывается, еще как нужен! Вон сколько всего интересного она узнала за полчаса. И ведь Романов хочет помочь ребятам и поможет, Лена теперь была в этом уверена.

– Дмитрий Дмитриевич, а помните, вы и у нас тест проводили?

– Конечно помню. – Психолог улыбнулся, и в его глазах промелькнули веселые искорки, будто он вспомнил что-то очень забавное.

– И вы обещали нам рассказать о его результатах в конце года, – напомнила Лена.

– И расскажу, обязательно, но чуть попозже, когда вам отметки годовые объявят. А вообще-то этот тест больше про-

верка для учителей, чем для вас.

В эту минуту раздался звонок с урока. Лена потянулась к рюкзаку:

– Я пойду.

– Иди.

Уже в дверях ее догнал приятный баритон Романова:

– Что Кошкиной скажешь?

Лена обернулась, пожала плечами:

– Так и скажу, что проспала. Не убьет же она меня за это?

– Думаю, что не убьет. Она в последнее время сама любезность.

– Это потому, что она влюблена в нашего полковника, – ляпнула Лена, подумав почему-то, что теперь она может поделиться с психологом любыми мыслями.

– Ну, не только, – усмехнулся он. – Так и быть, открою тебе один секрет. Людмилу Сергеевну на должность директора прочат в новую школу. Да, Лен, ты там не очень-то распространяйся: пока еще нет окончательного решения, – предупредил Романов.

Не очень-то распространяйся! А как это сделать, когда язык так и норовит проболтаться. Ну не умеет она хранить секреты. К тому же у нее от Бори секретов нет. Он увидел ее в коридоре, сразу бросился к ней. Высокий, крепкий, с длинными, вечно растрепанными темными волосами. На нем черные фирменные джинсы, свитер навыпуск, модные туфли. Борька улыбался широко и открыто:

– А я на улицу шел, чтобы тебе позвонить.

В стенах школы мобильники сильно глушило.

– А я проспала. Думаю, чего идти, выслушивать нотации от Кошки, настроение портить, ну и забила, – сообщила Лена, потом, наклонившись к Шустову и понизив голос, возбужденно сказала: – Борь, я тебе щас такое скажу, только ты поклянись, что никому ни полсловечка.

– Что б я сдох! – клятвенно заверил Борька, привычно забирая у нее рюкзак и вешая его себе на плечо вместе со своим.

– От нас, наверное, Кошка уйдет в следующем году!

Лене сразу стало легче.

– Куда, в декрет?

– Остряк-самоучка, – фыркнула она.

Но ведь и правда, Борька слыл первым шутником в классе. Его меткое словцо не раз веселило класс до колик и часто ставило на место зарвавшихся. Учителя и те побаивались с ним тягаться.

– А что? – Его темная густая бровь метнулась вверх и спряталась под челкой. – Дурной пример заразителен. Вон Маргаритка наша благополучно ушла в декрет, и ей по барабану, кто теперь будет за стенгазету отвечать. Ладно, это не вопрос. Найдут, чем занять нашу неумемную энергию. Так куда там наша Кошка собралась?

– В новую школу на повышение.

Борька присвистнул:

– Директором, значит. Повезет кому-то, – хмыкнул он и поинтересовался: – Кстати, откуда такие потрясные новости?

– Какая разница?

– И все же?

– Ну, Романов сказал. Я у него отсиживалась. Слушай, Борь, оказывается, психолог в школе очень нужный человек...

– Да что ты?

– Да!

Они вернулись к этой теме после уроков, когда Боря пошел ее провожать.

– Не, ну я не врубаюсь! Если мужик в руки молоток взял, чтобы гвоздь заколотить в стенку, – от него агрессия исходит. А если мама с утюжком – значит, в доме уют и тепло. Так, что ли, получается?

– Получается, что так.

– Хм, – скептически отреагировал Борька. – А как же криминальные элементы? Они, между прочим, очень уважают горячий утюжок, чтобы нужные сведения из жертвы вытянуть. Как с этим теплом быть?

– Не знаю. Если тебе это так интересно, сам у Романова спроси.

Лене не хотелось затевать спор. Она очень быстро пожалела, что завела разговор на эту тему. В голову полезла всякая глупость: что бы она нарисовала в этом случае, что бы

нарисовал Боря? Он, возможно, отгородился бы стеной от родителей, как это сделал Леша Снегирев.

У Бори было все: и достаток в доме, и благополучие – все, кроме сердечной близости. Боря сам ей в этом как-то признался.

– Иногда посмотрю на предков... ну, блин, телик можно годами не врубать, реальное шоу на дому. Живут как вежливые соседи, а я у них связующее звено. Надоело все до чертиков, а куда денешься? Приходится мириться с видимым счастьем семейства Шустовых. Прикинь, они лет пять как по разным койкам разбежались. Отец погуливает на стороне. Я к этому спокойно отношусь, без напряжения. Для матери секс вроде как и не существует. Так какие к отцу могут быть претензии? Он же здоровый мужик.

Лена тогда помучилась, но все же спросила:

– А ты не боишься, что отец может уйти от вас? Сам знаешь, сколько сейчас охотниц за красивой жизнью развелось.

– Нет, этого я не боюсь, – серьезно ответил Боря. – Во-первых, отец меня крепко любит. Правда, по-своему. Во-вторых, может, это и глупо звучит, но узы брака для него нерушимы, как оковы: надел, тащи до конца. А в-третьих, отец из тех, кто считает, что жена – это в первую очередь хорошая хозяйка дома, так сказать, хранительница очага, и мать в этом смысле его вполне устраивает. А ее устраивает налаженная жизнь. Я недавно вдруг понял, что у матери есть одна удивительная способность – не замечать того, чего ей видеть

не хочется. Вот так и живем: вроде вместе, а по сути дела, каждый сам по себе. – Боря помолчал, а потом признался: – И знаешь, если я когда-нибудь женюсь, то в моей семье не будет этого обманчивого благополучия. Или оно будет настоящим, или никаким.

В эту минуту Лена ясно представила себя Бориной женой. Может, это и смешно – мечтать о семейной жизни в пятнадцать лет, а вот она мечтала. Мечтала стирать его рубашки, варить вкусный суп, рожать детей и, как в Писании говорится, делить все беды и радости...

– Эй! Ты где заблудилась? – Боря стиснул рукой ее плечо.

– Задумалась, – ответила она.

– О чем? О хорошем?

– Да, о хорошем, – призналась Лена, потому что любить и заботиться о близком тебе человеке – это ведь хорошо, и добавила: – Только я тебе пока не скажу о чем, не расспрашивай.

– Ладно, не буду, – рассеянно согласился Борька, взглянул на дедовские командирские часы, с которыми не расставался, и вдруг сказал:

– Слушай, а давай сделаем небольшой крюк и ко мне заскочим.

Лена сбилась с шага. Сердце пропустило удар, а потом словно в пропасть ухнуло. Неужели гнев на милость сменили? Горько было признаваться, но от правды не убежишь – Борина мама Лену не жаловала. Они уже несколько месяцев

встречаются, а Лена так и не была причислена к избранным одноклассникам, побывавшим у него в гостях. Боря все никак «не мог» познакомить ее с родителями. Нет, она, конечно, много раз видела мадам Шустову, элегантную молодежавую даму. Ее в школу из-за Борькиных проказ не раз вызывали. А с отцом Бори Лена вообще часто сталкивалась, потому что бабушка работала в его фирме уборщицей и Лена помогала ей убираться по вечерам. Особенно после того, как бабушка угодила в больницу. Кстати, Илья Борисович, Борин папа, проходя мимо Лены, всегда тепло улыбался. Но одно дело случайная встреча и совсем другое – наконец-то быть приглашенной к ним в дом. Интересно, что Боря скажет, когда они придут? Может быть: «Ма, знакомься, это Алена, моя девушка...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.